

УДК 061.3:004.8

А. Ю. Мамычев¹

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва. Россия

Д.А. Петрова²

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток. Россия

Биополитические и цифровые тенденции развития политико-правовых практик в период пандемии*

Статья ставит своей целью выявить главные изменения и направления публично-властных отношений в России в период пандемии новой коронавирусной инфекции Covid-19. В качестве теоретико-методологической основы применяются междисциплинарный подход и биополитическая концепция властных отношений. Авторы приходят к выводу, что наравне с положительными аспектами цифровизации необходимо говорить, как минимум, о трех негативных тенденциях, которые проявились в период пандемии: ускоренном или даже агрессивном насаждении цифровизации без достаточной подготовки; использовании достижений технологической революции в целях контроля и учета данных о населении; снижении качества правового регулирования, выраженного в опоре на административно-властные акты и легитимацию властных решений.

Ключевые слова и словосочетания: властные отношения, государство, легитимация, общественно-политическая организация, правовая политика, цифровизация, цифровые технологии.

¹ Мамычев Алексей Юрьевич – д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса; e-mail: mamychhev@yandex.ru

² Петрова Дарья Андреевна – канд. полит. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права; e-mail: otдел_nauka@mail.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-011-31760 «Цифровые, биологические и социокультурные тренды эволюции публично-властной организации и отношений в современной России: проблемы моделирования и прогнозирования общественно-политической динамики».

A.Yu. Mamychyev

Lomonosov Moscow State University
Moscow. Russia

D.A. Petrova

Eastern Federal University
Vladivostok. Russia

Biopolitical and digital trends in the development of political and legal practices during the pandemic

This article aims to identify the main changes and trends in public-power relations in Russia during the pandemic of the new Covid-19 coronavirus infection. The paper uses an interdisciplinary approach and the geopolitical concept of power relations as a theoretical and methodological basis. The authors conclude that along with the positive aspects of digitalization, it is necessary to talk about at least three negative trends that emerged during the pandemic: accelerated or even aggressive digitalization without sufficient preparation; using the achievements of the technological revolution in order to control and record data on the population; reducing the quality of legal regulation, expressed in reliance on administrative and power acts and legitimization of power decisions.

Keywords: power relations, state, legitimation, socio-political organization, legal policy, digitalization, digital technologies.

Введение

В середине XX века широкий теоретический резонанс приобрела концепция биополитики, которая стала одним из ведущих направлений в исследовании современной общественно-политической жизнедеятельности. При этом в рамках доказательной базы при изложении данной теории в основном использовались исторические примеры, связанные с различными эпидемиологическими событиями. Особый режим функционирования политических и юридических институтов в периоды, например, разных эпидемий позволил описать особую форму политического господства и специфическую конфигурацию государственно-правовой рациональности.

Обращение к метафорам болезней политического организма, вирусным атакам на общественно-политическую жизнедеятельность свойственно политическим и правовым учениям прошлого и настоящего. Справедливо отмечает Юджин Такер, что «дискурс тела в политической философии всегда сопровождается размышлениями о его болезнях и недугах» [1, с. 9].

Тем не менее, теоретико-концептуальное описание процесса «медикализации» государственно-правового режима как отдельного феномена, а не научной метафоры или удачной аналогии представил в своей известной лекции «Нужно защищать общество» французский философ и историк Мишель Фуко. Для него процессы медикизации общественно-политической организации стали одним из ключевых трендов эволюции властных отношений. Фуко аргументирует, что в XX веке главным регистром государственной рациональности становятся био-

политические формы господства, в контексте которых управленческие воздействия направлены на «рождаемость, заболеваемость, различные формы биополитической ущербности (больные, мигранты, безумцы и проч. – А.М., Д.П.), на воздействие среды, на все это биополитика начнет распространять свое знание и определять соответственно область вмешательства своей власти» [2, с. 256–257].

При этом население как некоторое «единое тело», которое может быть подвержено различным заболеваниям и недугам, рассматривается им в качестве ключевой «юридической и политической проблемы» современной эпохи, а состояние этого «тела» становится объектом не только «знания, но и пристального наблюдения и управления» [3].

«Медикализация политической рациональности» выстраивает, по мысли Фуко, совершенно иную логику, она больше не размещает все события в бинарной оппозиции «законное – незаконное», а расширяет ее посредством более глубоких измерений/координат: «нормальность – ненормальность», «полезность – бесполезность», «разум – безумие», «здоровый – больной» и т.д., выстраивает специфическую иерархию, размещающую и классифицирующую все общество на «тех, кто соблюдает определенную норму; тех, кто отклоняется от нее; тех, кого можно исправить; тех, кого нельзя исправить; тех, кого можно исправить таким-то средством; тех, для кого следует употреблять иные средства» [4, с. 15].

Меняется и функциональная направленность многих политических институтов. Так, под видом разнообразных социальных учреждений (политических, юридических, культурных, здравоохранения и т.д.), которые ответственны, на первый взгляд (публичный дискурс, обсуждаемый и представляемый наравне с официальной системой идей, смыслов и ценностей), за благополучие населения, его защиту и безопасность, незаметно «внедряются» медиализованные технологии власти (скрытый дискурс, не обсуждаемый, находящийся в тени, скрытый от массового обсуждения), с помощью которых жизненный мир и потребности общества и человека становятся объектом управления и подчинения [5].

Соответственно, в этом типе политической рациональности, по утверждению М. Фуко, политические институты, ориентированные на обеспечение общественного здоровья (стабильность, устойчивость, воспроизводство и т.п.) и безопасности (информационная, биологическая, военная и т.д.), обязаны управлять и контролировать все жизненные процессы в государстве. В этом плане «сразу же закон оказывается неприемлемым; сразу же оказываются необходимыми упомянутые разновидности вмешательства, исключенный и незаконный характер отнюдь не должен выглядеть знаком произвола или избытка власти, но выглядеть, напротив, знаком заботы» [4, с. 46–47]. Последнее особенно следует учитывать в оценке и интерпретации принимаемых управленческих решений в период пандемии новой коронавирусной инфекции Covid-19. Именно об их специфике речь и пойдет в настоящей статье.

Политико-правовую основу исследования составили: а) решения исполнительных органов власти субъектов федерации, регламентирующие внедрение информационных технологий в стратегию борьбы с коронавирусной инфекцией: указ мэра города Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ (ред. от 27.05.2020),

Постановление Правительства Красноярского края от 01.04.2020 № 188-п; Постановление администрации Владимирской области от 28.04.2020 № 255, Постановление губернатора Забайкальского края от 27.05.2020 № 60, указ мэра Москвы от 11 апреля 2020 года № 43-УМ «Об утверждении Порядка оформления и использования цифровых пропусков для передвижения по территории города Москвы в период действия режима повышенной готовности в городе Москве»; б) федеральное законодательство: Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» от 27 июля 2006 г., Федеральный закон «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» № 168-ФЗ от 08 июня 2020 г.; в) практика российских судов по вопросу оспаривания ограничительных мер в рамках борьбы с коронавирусом.

Теоретическая база исследования представлена современными исследованиями в области цифровой трансформации общества и общественно-политических отношений (Артемова С.Т., Жильцов Н.А., Чердаков О.И., Беляцкая Т.Н., Князькова В.С., Зюзин В.Д., Вдовенко Д.В., Куприков О.Д., Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С.), правового регулирования цифровых технологий (Салихов Д.Р., Симонова С.В.), персональных данных (Савельев А.И.).

Методологическая основа работы. Процессы внедрения цифровых технологий в период развития пандемии, связанной с появлением новой коронавирусной инфекции Covid-19, а также политико-правовая «реакция» на распространение вируса, изменения политической повестки дня и траекторий развития цифровых средств и платформ, очевидно, требуют достаточно широкой теоретико-методологической базы, поскольку исследуемые феномены, процессы и общественные отношения невозможно адекватно описать с позиции какой-либо одной дисциплины.

Более того, разворачивающиеся процессы цифровой трансформации общественных отношений, внедрение и эксплуатация автономных роботизированных аппаратов обуславливают важность диалога между естественно-технической, гуманитарной и социальной отраслями научного знания. В этом плане непродуктивно выстраивать исследование процессов, кардинально меняющих мировоззренческие, ценностно-нормативные и другие основания функционирования социальных систем, с позиции «дисциплинарной строгости». Рассмотрение заявленных проблем и их адекватное решение возможны только с привлечением широкого круга методологических разработок и теоретических положений различных наук – юриспруденции, политологии, философии, кибернетики, социологии и др.

Это позволяет комплексно и, самое главное, адекватно специфике разворачивающихся процессов цифровизации всех сфер жизнедеятельности общества содержательно проанализировать взаимодействие и взаимовлияние разнообразных сфер общественной жизнедеятельности: физической (территория, инфраструктура, ресурсы и т.д.), биологической (экологические условия, природные ресурсы, общественное здоровье и т.п.), интеркоммуникативной (общественная

целостность, культурное единство, система общественных традиций и обычаев, ценностно-нормативная система и т.д.) и цифровой (виртуальные и дополненные цифровые среды взаимодействия, цифровая инфраструктура общества и государства и т.д.).

Следует учитывать, что различные типы реальности (биологическая, физическая, интеркоммуникативная/социальная, цифровая), в которых разворачивается общественное взаимодействие и формируется политико-правовой порядок, относительно автономны и при этом тесно взаимосвязаны на глубинном уровне, влияя друг на друга, что показала долговременная вирусная пандемия.

Кроме того, в основе настоящего исследования лежат и частнонаучные методы исследования: нормативно-правовой и формально-юридический, при помощи которых анализируются нормативные правовые акты, их нормативное воздействие на регулируемые общественные отношения.

Основная часть

Цифровая трансформация затрагивает сегодня практически все сферы общественной жизнедеятельности [6]. С точки зрения комфорта и удобства технологическая революция, безусловно, имеет много положительных сторон: оформление документов из дома; возможность работать или учиться дистанционно; установление стабильной видеосвязи с родственниками; удобный доступ к счету и т.д. Однако очень быстрые темпы технологического прогресса, а также внешние условия (пандемия коронавирусной инфекции) создают ситуацию несбалансированного и негармоничного внедрения цифровых технологий в социально-политические процессы России. В настоящий момент можно выделить минимум три негативных тенденции, характеризующие взаимодействие политики и права под влиянием цифровизации:

- ускоренное или даже агрессивное насаждение цифровизации без достаточной подготовки;
- использование достижений технологической революции в целях контроля и учета данных о населении;
- снижение качества правового регулирования.

Ускоренное насаждение цифровизации без достаточной подготовки. Под ускоренной цифровизацией мы понимаем искусственное широкомасштабное внедрение цифровых технологий во все сферы общественной жизни. Ускорение темпов отечественной цифровизации подогревается рассуждениями об отставании России от передовых стран Европы, США и некоторых азиатских стран, где цифровизация начата значительно раньше.

В отличие от так называемых передовых стран в российском обществе очевидна неготовность к таким масштабным преобразованиям. Прежде всего, неготовность выражается в слабом развитии инфраструктуры, неравномерном распределении доступа к техническим устройствам [7; 8]. На практике возникает ситуация, когда, например, ученики сел, перешедшие на дистанционное обучение, вынуждены карабкаться на дерево для усиления сигнала и подключения к классу. Указанная проблема цифрового разрыва или цифрового неравенства неоднократно обсуждалась в научной литературе [9; 10].

Проблема использования достижений технологической революции в целях контроля и учета данных о населении. На современном этапе в России функционируют как минимум четыре федеральные электронные системы учета, содержащие персональные данные россиян:

- Индивидуальный (персонифицированный) учет на территории Российской Федерации – присваивает индивидуальный лицевой счет, имеющий постоянный страховой номер (СНИЛС);
- Федеральный регистр сведений о населении Российской Федерации – содержит основные сведения о россиянах;
- Единая биометрическая система – содержит биометрические сведения граждан России.

Отдельно необходимо иметь в виду Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА) – информационную систему, которая обеспечивает доступ участников информационного взаимодействия (граждан-заявителей и должностных лиц органов исполнительной власти) к информации, содержащейся в государственных информационных системах учета. Через эту систему гражданин получает доступ к большинству электронных государственных платформ: Госуслуги, Российская общественная инициатива, автоматизированная система «Правосудие». В будущем через ЕСИА гражданам будет предоставляться доступ к единому федеральному регистру сведений о населении и единой биометрической системе.

Помимо федеральных систем учета существуют и региональные системы учета в г. Санкт-Петербурге и Псковской области.

Названные системы электронного учета сведений о гражданах включают практически все виды информации, кроме специальной, касающейся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни субъектов персональных данных и т.д.

Однако право использовать федеральный регистр будет иметь не только оператор – регламенты всех систем учета предполагают обработку персональных данных органами госбезопасности.

Несмотря на то, что обработка биометрических персональных данных (п. 1 ст. 14.1) осуществляется при согласии гражданина, необходимо иметь в виду п. 16 ст. 14.1 ФЗ № 149, согласно которому оператор ЕБС отправляет биометрические данные граждан «в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, и федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности в целях обеспечения обороны страны, безопасности государства, охраны правопорядка и противодействия терроризму». Таким образом, органы внутренних дел и безопасности имеют доступ к биометрическим данным граждан и право обработки этих данных без согласия граждан.

Указанный выше факт того, что органы госбезопасности будут обрабатывать биометрические данные граждан, также коррелирует с принятым недавно

Федеральным законом от 8 июня 2020 года № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации». Перечень сведений, вносимый в регистр (определен в п. 2 ст. 7), может быть расширен органами, уполномоченными на решение задач в области обеспечения безопасности Российской Федерации в рамках реализации своих полномочий (п. 15 ст. 8). Полный перечень органов, имеющих право вносить изменения, а также порядок внесения сведений будут определяться Указом Президента и Постановлением Правительства. Таким образом, можно говорить о том, что перечень вносимых в регистр сведений не является исчерпывающим и оставляет место для внесения не указанных в законах данных.

Помимо влияния правоохранительных органов на ведение реестров существует и другой аспект названной проблемы, который заключается в насильственной цифровизации без учета мнения граждан. Граждане России не могут отозвать свои персональные данные из обработки в электронных базах учета.

Недоверие к целям обработки персональных данных сильно не только в России, но и в так называемых развитых демократических странах. Граждане обеспокоены тем, что государство превысит свои полномочия и создаст серьезные угрозы демократическим устоям государства и общества, а также сформирует неконституционный режим использования персональных данных граждан.

Так, например, в Германии активация функции онлайн-идентификации составляет около 50% после восьми лет эксплуатации [7; 8]. Разница во внедрении с развитыми демократическими странами достаточно ощутима, поскольку руководство России решило отказаться от постепенного ввода электронных идентификаторов и поддержало авторитарный путь без права отказа от электронной идентификации.

В то же время в Великобритании 21 января 2011 года был принят Закон о документах, удостоверяющих личность от 2010 г. [11], обязавший уничтожить все данные в Национальном Регистре идентификации личности к 21 февраля 2011 года [12]. В настоящее время водительские права, в частности водительские права с фотокарточкой, введенные в 1998 году, и паспорт гражданина являются наиболее широко используемыми документами, удостоверяющими личность в Великобритании.

Настоящим катализатором использования технологий слежения послужило распространение коронавируса.

В частности, региональные власти применяют следующие информационные технологии:

- расширение сети систем видеонаблюдения, с помощью которых происходит идентификация лиц, нарушающих введенные ограничения, в частности режим самоизоляции [13, с. 24];
- введение цифровых пропусков для сдерживания передвижения людей.

Все указанные меры весьма спорны по своей правовой природе.

Так, использование камер видеонаблюдения для контроля передвижения людей в период распространения коронавирусной инфекции является правомерным (с точки зрения соответствия ФЗ № 152-ФЗ «О персональных данных» от

27 июля 2006 г.), пока получаемые при помощи видеофиксации изображения людей не используются для установления личности без предварительного согласия такого лица. Если же изображение используется для идентификации человека, то в этом случае изображение приравнивается к биометрическим персональным данным, работа с которыми требует обязательного согласия.

Ограничениями на получение согласия являются следующие основания:

- реализация международных договоров РФ о реадмиссии;
- осуществление правосудия и исполнение судебных актов;
- проведение обязательной государственной дактилоскопической регистрации;
- случаи, предусмотренные законодательством РФ об обороне, безопасности, противодействии терроризму, транспортной безопасности, противодействии коррупции, оперативно-розыскной деятельности, государственной службе, уголовно-исполнительном законодательстве РФ, о порядке выезда из РФ и въезда в РФ, гражданстве РФ.

Как видно, ни одно из указанных ограничений не подходит под улучшение санитарно-эпидемиологической обстановки и борьбу с коронавирусом, поэтому получение согласия граждан необходимо.

Таким образом, правоприменитель не уполномочен привлекать к административной ответственности лиц, нарушивших нормативно-правовые акты, направленные на борьбу с коронавирусом, и идентифицированных на основе данных, полученных от камер слежения. Для того чтобы подобное полномочие стало возможным, законодатель должен предусмотреть механизм подачи гражданами согласия на обработку биометрических персональных данных (что представляется практически невыполнимой задачей) или же внести соответствующие поправки в федеральный закон.

По такой схеме, например, действуют США, где граждане добились временного запрета на технологии идентификации до появления регулирующих правил.

Учитывая мировой опыт регулирования технологии идентификации лиц через видеонаблюдение, можно говорить о следующих моделях законодательного регулирования использования государством данной технологии:

- полный запрет на использование (Сан-Франциско, США);
- запрет использования без согласия владельца персональных данных, за исключением отдельно оговоренных исключений. К таковым могут быть отнесены оказание медицинских услуг и обеспечение национальной безопасности (Европейский союз).

На наш взгляд, условное ограничение не является удачной мерой регулирования, поскольку не снимает основного вопроса о злоупотреблении персональными данными граждан, против чего и направлены протесты.

Следующая тенденция, на которой хотелось бы остановиться подробнее, касается **снижения качества правового регулирования**.

Во-первых, необходимо говорить о том, что сместился акцент на принятие административно-властных решений. Так, например, все непопулярные решения

в рамках борьбы с распространением пандемии (масочный режим, самоизоляция, соблюдение дистанции) и использование информационных технологий (камеры слежения, социальный мониторинг) вводятся на основании решений региональных властей. В то время как существуют вполне легитимные правотворческие процедуры, например, объявление чрезвычайного положения в соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Однако правовая политика пошла по пути установления альтернативного правового режима ограничительных мер, в том числе в отношении использования информационных технологий.

Во-вторых, возникла угроза потери системности в праве. Введение альтернативных правовых режимов и властных установок требует согласования с действующим правом. В настоящий момент наблюдается политика, направленная в большей степени на легитимацию принятых решений. Однако такие разрешающие нормы не всегда согласуются с общими принципами права или принципами права, действующими в определенной области.

Указанное противоречие иллюстрируется на примере легитимации Единого регистра сведений о населении, вводимого недавним Федеральным законом от 8 июня 2020 года № 168-ФЗ.

Создание единого федерального регистра также нельзя назвать популярной мерой, против его создания выступают многие общественные организации и объединения. Общественное давление на стадии обсуждения проекта Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» не дало внести развернутую норму, регламентирующую работу федерального регистра [14]. Вместо этого в законе «О персональных данных» фигурирует только упоминание возможности создания такого регистра. Также закон вводит норму, затрудняющую создание единой общероссийской базы данных, чем по сути является регистр. Пункт 3 статьи 5 Федерального закона устанавливает в качестве принципа запрет на объединение баз персональных данных, обрабатываемых с различными целями.

Тем не менее, прямое упоминание о возможности создания регистра в п. 13 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» обеспечило легитимацию создаваемого регистра сведений. Закон «О персональных данных» также предусматривает создание специального закона, который определил бы правовой статус регистра и регламентировал порядок его функционирования. Последующий специальный Федеральный закон № 168-ФЗ от 08 июня 2020 устанавливает особый статус регистра, который не мыслится законодателем как простое объединение баз (каким была попытка создания единой электронной карты), а наделяется самостоятельным статусом с особым порядком работы.

Несмотря на то, что существуют нормы, разрешающие создание федерального регистра, главное противоречие не снято – регистр объединяет в себе разные базы с разными целями.

Другой образец легитимации можно привести на примере установления ограничительных мер в связи с распространением коронавирусной инфекции.

В связи с угрозой распространения заболевания 1 апреля 2020 в Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» была спешно введена норма о том, что органы государственной власти субъектов РФ *«устанавливают обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности»*.

Но статья 55 Конституции РФ закрепляет, что права граждан могут быть ограничены только федеральным законом. При попытке граждан оспорить действия региональных властей по установлению ограничений суды встали на сторону региональных властей. По мнению судей, субъекты РФ имеют право устанавливать ограничения в случае, если федеральным законом предоставлены такие полномочия [15]. Интересно также и то, что суды склонны признавать доводы административных истцов о необходимости принятия отдельного федерального закона, направленного на ограничение прав и свобод граждан, неверными, так как они основаны на «неправильном применении и толковании норм права» [16]. Указанное высказывание напоминает известный сюжет о борьбе патрициев и плебеев, в котором плебеи всегда были проигравшей стороной в толковании права. Только римское право до Законов XII таблиц не было писаным, в отличие от российского.

Проблема легитимирующей правовой политики ставит вопрос о том, что практически любое решение власти может быть оформлено соответствующим правовым актом и, в конечном итоге, станет соответствовать позитивному праву. Однако широко известен пример установления национал-социалистической диктатуры, выстраиваемой в строгом соответствии с действующим позитивным правом Веймарской Республики. В соответствии с установленными правилами отменялись гражданские права и свободы, выстраивался репрессивный аппарат. Именно для недопущения произвола законным способом и существуют принципы права, которым не должны противоречить решения власти, оформленные посредством правовых актов. Итак, несмотря на положительные возможности цифровизации, существуют негативные тенденции развития российских властно-политических отношений.

1. Такер Ю. Три текста о заражении. – Пермь: Гиле Пресс, 2020. – 132 с.
2. Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – 312 с.
3. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. – Москва: Касталь, 1996. – 448 с.
4. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. – Москва: Праксис, 2006. Ч. 3. – 320 с.
5. Мамычев А. Ю. Государственная власть в социокультурной организации современного общества: теоретико-методологические аспекты политико-правовой трансформации. – Москва: РИОР, 2017. – 290 с.
6. Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов / под ред. А. Ю. Мамычева, А. Ю. Мордовцева, Г. В. Петрук. – Москва: РИОР, 2020. – 349 с.

7. Артемова С. Т., Жильцов Н. А., Чердаков О. И. «Цифровой разрыв» и конституционные гарантии «цифрового равенства» // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – №10. – С. 41–45.
8. Беляцкая Т. Н., Князькова В. С. Цифровой разрыв в современном информационном обществе // Экономическая наука сегодня. – 2019. – №10. – С. 209–217.
9. Зюзин В. Д., Вдовенко Д. В., Куприков О. Д. Перспективы развития российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Оригинальные исследования. – 2020. – Т. 8, №10. – С. 123–129.
10. Dobrinskaya D. E., Martynenko T. S. Defining the digital divide in Russia: key features and trends // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – №5. – С. 100–119.
11. Identity Documents Act 2010. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/40/contents/enacted> (дата обращения: 07.09.2020).
12. Identity Documents Bill. – URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201011/cmbills/001/2011001.pdf> (дата обращения: 07.09.2020).
13. Салихов Д. Р., Симонова С. В. Видеонаблюдение с возможностью идентификации лиц: балансируя между безопасностью и правами человека (обзор межвузовских молодежных онлайн-дебатов) // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. – 2020. – №3. – С. 24.
14. Савельев А. И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». – Текст: электронный // СПС «Консультант-Плюс»: [сайт]. – URL: www.consultant.ru (дата обращения: 9.10.2020).
15. Решение Иркутского областного суда от 6 мая 2020 г. № 3а-171/2020. – Текст: электронный // СПС «Гарант»: [сайт]. – URL: <http://base.garant.ru/313975332/> (дата обращения: 9.10.2020).
16. Решение Забайкальского краевого суда от 04.06.2020 по делу № 3а-63/2020; Решение Липецкого областного суда от 9 июня 2020 г. по делу № 3а-19/2020; Решение Иркутского областного суда от 6 мая 2020 г. № 3а-171/2020; Решение Московского городского суда от 28 апреля 2020 г. по делу № 3а-3877/2020.

Транслитерация

1. Taker Yu. Tri teksta o zarazhenii. – Perm': Gile Press, 2020. – 132 s.
2. Fuko M. Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1975 – 1976 uchebnom godu. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2005. – 312 s.
3. Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let / per. s fr. – Moskva: Kastal', 1996. – 448 s.
4. Fuko M. Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. – Moskva: Praksis, 2006. Ch. 3. – 320 s.
5. Mamychev A. Yu. Gosudarstvennaya vlast' v sociokul'turnoj organizacii sovremennogo obshchestva: teoretiko-metodologicheskie aspekty politiko-pravovoj transformacii. – Moskva: RIOR, 2017. – 290 s.
6. Roboty zayavlyayut o svoih pravah: doktrinal'no-pravovye osnovy i нравstvenno-eticheskie standarty primeneniya avtonomnyh robotizirovannyh tekhnologij i apparatov / pod red. A. Yu. Mamycheva, A. Yu. Mordovceva, G. V. Petruk. – Moskva: RIOR, 2020. – 349 s.
7. Artemova S. T., Zhil'cov N. A., Cherdakov O. I. «Cifrovoy razryv» i konstitucionnye garantii «cifrovogo ravenstva» // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2020. – №10. – S. 41–45.
8. Belyackaya T. N., Knyaz'kova V. S. Cifrovoy razryv v sovremennom informacionnom obshchestve // Ekonomicheskaya nauka segodnya. – 2019. – №10. – S. 209–217.

9. Zyuzin V. D., Vdovenko D. V., Kuprikov O. D. Perspektivy razvitiya rossijskogo informacionnogo obshchestva: urovni cifrovogo razryva // Original'nye issledovaniya. – 2020. – Т. 8, №10. – С. 123–129.
10. Salihov D. R., Simonova S. V. Videonablyudenie s vozmozhnost'yu identifikacii lic: balansiruya mezhdz bezopasnost'yu i pravami cheloveka (obzor mezhvuzovskih molodezhnyh onlajn-debatov) // Municipal'noe imushchestvo: ekonomika, pravo, upravlenie. – 2020. – № 3. – С. 24.
11. Savel'ev A. I. Nauchno-prakticheskij postatejnyj kommentarij k Federal'nomu zakonu «O personal'nyh dannyh». – Tekst: elektronnyj // SPS «Konsul'tantPlyus»: [sajt]. – URL: www.consultant.ru (data obrashcheniya: 9.10.2020).
12. Reshenie Irkutskogo oblastnogo suda ot 6 maya 2020 g. № 3a-171/2020. – Tekst: elektronnyj // SPS «Garant»: [sajt]. – URL: <http://base.garant.ru/313975332/> (data obrashcheniya: 9.10.2020).
13. Reshenie Zabajkal'skogo kraevogo suda ot 04.06.2020 po delu № 3a-63/2020; Reshenie Lipeckogo oblastnogo suda ot 9 iyunya 2020 g. po delu № 3a-19/2020; Reshenie Irkutskogo oblastnogo suda ot 6 maya 2020 g. № 3a-171/2020; Reshenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 28 aprelya 2020 g. po delu № 3a-3877/2020.

© А. Ю. Мамычев, 2020

© Д. А. Петрова, 2020

Для цитирования: Мамычев А. Ю., Петрова Д. А. Биополитические и цифровые тенденции развития политико-правовых практик в период пандемии // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 18–29.

For citation: Mamychyev A. Yu., Petrova D. A. Biopolitical and digital trends in the development of political and legal practices during the pandemic, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 4, pp. 18–29.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-4/018-029

Дата поступления: 01.12.2020.